

Забашта Роман Валентинович

DOI 10.31483/r-97154

**ПОЗИЦИОННОЕ ВИДЕНИЕ СТРУКТУР ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ ИОСИФА БРОДСКОГО)**

Аннотация: статья посвящена вопросу о применении позиционного видения структур художественного текста к категориальному аппарату функциональной теории текста.

Актуальность рассматриваемой проблемы объясняется необходимостью систематизации методологических понятий различных концепций в современной русистике и выработки на этой основе методических рекомендаций, способных усовершенствовать применение текстоцентрического подхода в школьном обучении.

В статье применяются филологические методы современной теории текста, в частности, структурной теории текста (Ю.М. Лотман), стилистического анализа художественного текста (Н.А. Рудяков), лингвистической инструментологии (А.Н. Рудяков), методики выделения сильных позиций текста (И.В. Арнольд), некоторые идеи коммуникативной стилистики (Н.С. Болотнова), а также оригинальные авторские приемы анализа и синтеза содержательной стороны художественного текста.

Материалом исследования послужили такие стихотворения Иосифа Бродского, как «Все чуждо в доме новому жильцу...» (1962 г.), «В деревне Бог живет не по углам...» (1964 г.) и «Ты не скажешь комару...» (1991 г.), опыт интерпретации которых позволил проиллюстрировать гносеологическую действенность позиционного подхода к проблемам функциональной стороны художественного текста.

Результаты проведенного исследования позволяют систематизировать представления об основных принципах лингвистического и герменевтического описания художественного текста. Моделирование функционально

обусловленной взаимосвязи концептуальной информации поэтического текста и его значимых компонентов, выявляемых при использовании понятия «сильная позиция текста», возможно с помощью применения общего регулятивного понимания языковой деятельности, которое базируется на подходе к языку как к инструменту речевого воздействия на индивидуальную картину мира реципиента.

Выводы, к которым приходит автор статьи, позволяют уточнить основные понятия функциональной теории текста, имеющие отношение к интерпретации элементов индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте, а также предложить методическую основу применения лингвистического знания к вопросам разбора текста в практике школьного обучения.

Ключевые слова: *функциональная теория текста, художественный текст, регулятивная функция, текстовая позиция, стилистический анализ текста, индивидуально-авторская картина мира.*

Abstract: *the article is devoted to the application of the positional vision of the structures of a literary text to the categorical apparatus of the functional theory of text.*

The relevance of the problem under consideration is explained by the need to systematize the methodological concepts of various concepts in modern Russian studies and to develop, on this basis, methodological recommendations that can improve the use of the textocentric approach with focus on school education.

The article uses philological methods of modern text theory, in particular, structural theory of text (Yu. M. Lotman), stylistic analysis of a literary text (N. A. Rudiakov), linguistic tool studies (A. N. Rudiakov), methods of highlighting intense positions of text (I. V. Arnold), some ideas of communicative stylistics (N. S. Bolotnova), as well as original author's methods.

The study material are presented by poems by Joseph Brodsky: «Vse chuzhdo v dome novomu zhiltcu...» (1962), «V derevne Bog zhivet ne po uglam...» (1964) and «Ty ne skazhesh komaru...» (1991), the experience of the interpretation of which made it possible to illustrate the epistemological effectiveness of the positional approach.

The results of the research allow us to systematize the ideas about the basic principles of linguistic and hermeneutical description of a literary text. Modeling of the functional relationship between the conceptual information of a poetic text and its significant components, identified when using the concept of "strong position of the text", is possible by applying a General regulatory understanding of language activity, which is based on the approach to language as a tool for speech influence on the individual picture of the recipient's world.

The conclusions reached by the author of the article make it possible to clarify the basic concepts of the functional theory of text related to the interpretation of the elements of the individual author's world picture in the literary text and also to offer a methodological basis for applying linguistic knowledge to the issues of text analysis in school practice.

Keywords: *functional theory of text, literary text, regulatory function, textual position, stylistic text analysis, individual author's world picture.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Функциональная теория текста» №18-012-00271 (2018).

Введение. Исследователями художественного текста подчеркивается значимость описания его внутренней организации, общих и частных механизмов взаимодействия текстовых структур. В центре внимания оказывается репертуар номинативных средств и их значений, анализ которых с помощью лингвистических методик позволяет с определенной степенью объективности судить о содержании текста, его ценностной проблематике. При этом и исходные познавательные установки, и общие методологические основания, выполняющие функцию своего рода «научных призм» (весьма часто кодируемые учеными одними и теми же или близкими терминами) становятся причиной расхождений в истолковании исходных понятий и определении этапов языковедческого анализа. Производными от многообразия методологических оснований можно также считать и отличающиеся друг от друга результаты интерпретации одних и тех же текстов. Поэтому особую актуальность в функциональной теории текста приобретают как вопрос об адекватном понимании сущности текста, так и вопрос о выработке единых

понятий и категорий, использование которых позволит улучшить применение методик работы с текстом в учебном процессе.

Цель предлагаемой статьи заключается в раскрытии функционально обусловленной взаимосвязи концептуальной информации поэтического текста и его значимых компонентов, выявляемых при использовании понятия *сильная позиция текста* и общей *регулятивной установки* в понимании закономерностей организации текста как инструмента речевого воздействия.

Современная функциональная теория текста представляет собой направление лингвистических исследований, предметом которого выступает функциональная сторона текста. Однако что именно исследователи понимают под функциональной стороной текста – оказывается отдельным проблемным полем интерпретаций. Так, согласно Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарину, *функционально-лингвистический подход* основан на понимании того, что «каждый текст ориентирован на языковую систему и представляет собой выбор языковых средств из имеющегося набора их в языке, осуществленный автором в соответствии с его замыслом и отражающий его знания и представления о мире» [3, с. 37]. Как представляется, в данном определении предпринята попытка связать формальное видение факторов, влияющих на организацию языкового материала, и внешний по отношению к тексту фактор, связанный с интенциями автора, т.е. попытка объединить внутренний и метасистемный признаки. Тем не менее вторая часть определения остается скорее декларативной, чем обладающей экспланаторным (объяснительным) потенциалом потому, что типологически не указывает на то, какие именно знания и представления о мире транслируются посредством текста и – что важнее – чем руководствуется автор в формировании этих знаний, в частности, что именно направляет его творческий поиск.

Исследователи отмечают принципиальную ориентацию при разборе художественного текста не столько на поэтическое содержание, сколько на категории языковой личности, уровни осуществления ее деятельности, в том числе связанной с системой мотивов: «Творческая индивидуальность писателя и поэта проявляется не только в отборе слов общенационального языка, не только в

характере их сочетаний, но и в самом комплексе значений и проявлений слова как следствие реализации «языкового сознания личности» [18, с. 40]. Следовательно, функциональное писание текста невозможно без учета уровневой структуры языковой личности («вербально-семантический, лингвокогнитивный, мотивационный уровни»), описанной в работах Ю.Н. Караулова [14].

Автор методики стилистического анализа художественного текста Н.А. Рудяков уточняет общий механизм мотивации создателя текста, лежащий в основе формирования идейно-художественного содержания текста: «Специфика содержания произведений искусства вообще и произведений словесного искусства, в частности, состоит в том, что здесь, во-первых, отношение субъекта к окружающему миру, то есть субъективный, личностный момент, играет доминирующую роль; во-вторых, – и самое главное – содержание литературно-художественного произведения включает в себе не просто отношение субъекта к предмету изображения, а изображение этого предмета с точки зрения идеала, то есть представления о должном и желаемом, о цели, к которой необходимо стремиться и которую возможно достичь» [20, с. 12]. Таким образом, функциональная по своим гносеологическим установкам концепция стилистического анализа текста дает ответ на вопрос о стимуле, предопределяющем замысел автора текста, т.е. раскрывает сущность предназначенности текста и его типологическую модель на уровне соотношений «конфигурация стимула интенции – интенция – композиционная реализация интенции».

Лингвисты отмечают тот факт, что понимание текста невозможно без учета метасистемного взгляда на объект исследования: интерпретационные тактики не могут принести удовлетворительных результатов, если видеть в тексте «вещь в себе». По-видимому, данное положение можно объяснить социальной стороной текста, являющегося, при рассмотрении его с данных позиций, «инструментом регуляции», т.е. речевого воздействия на картину мира реципиента [11; 12; 13; 17; 19 и др.].

Однако в работах, посвященных функциональной стороне текста, методологическая установка преимущественно сфокусирована на исследовании

реализации либо *эстетической*, либо *коммуникативной функций*. Так, Н.С. Валгина пишет: «Для речевой организации текста определяющими оказываются внешние, коммуникативные факторы» [8, с. 6]. При этом внешними факторами чаще всего признаются реакции воспринимающего текст субъекта. Проиллюстрируем этот тезис словами Н.С. Болотновой – исследователя теории коммуникативной стилистики текста: «Результатом вторичной коммуникативной деятельности является коммуникативно-прагматический эффект текста (приобщение адресата к новой информации, рождение эмоций, их динамика и т. д.), являющийся стимулом к дальнейшим действиям» [4, с. 63]. Из данного понимания функциональной стороны текста следует вполне конкретная ориентация на коммуникативное истолкование текста, в основу которого положен взгляд на текст как результат общения автора с читателем, своеобразное «отложенное во времени и пространстве» коммуникативное взаимодействие, «сопорождение» текста. Напротив, руководствуясь пониманием функциональности не как *процесса* (акцент на субъекте восприятия), а как *каузации* (акцент на субъекте порождения текста), можно заключить, что коммуникации в общепринятом смысле при чтении художественного текста значительно меньше, чем в утилитарном регистре использования языка, например, в быту. Исследование коммуникативной стороны языковой деятельности и ее воплощения в текстах не может дать полной картины того, какие факторы обуславливают и какие механизмы реализуют структуру мотивационного уровня языковой личности – автора текста.

С одной стороны, причина редукции («затухания») коммуникативности заключается в специфическом типе информации, содержащейся в художественном тексте, с другой стороны, состоит в особом строении текста, т.е. нетипичной для других регистров речи соотнесенности номинативных средств, обеспечивающей речевое воздействие на ценностную часть индивидуальной картины мира реципиента. В таком смысле текст выполняет *регулятивную функцию*, состоящую в воздействии на читателя, в приобщении к не общепринятым, не общеизвестным, а к новым, авторским знаниям о фрагменте действительности. А выявление этих знаний, т.е. субъективного отношения автора к какому-либо предмету

изображения, представляет большую сложность, поскольку такое «знание не всегда реализуется целиком вербальными средствами» [8, с. 11]. Следовательно, снижение коммуникативных свойств текста, относящегося к художественному дискурсу, обусловлено самой логикой создания семиотического артефакта. Так, художественный текст, равно как и другие артефакты искусства, транслируя какую-то информацию, имеет своей целью не сообщение о факте, а утверждение оригинального взгляда на что-либо, убеждение воспринимающих содержание текста субъектов в истинности своего отношения к определенному предмету с позиций идеала.

Личностный, субъективный взгляд на предмет изображения в содержании художественного текста является компонентом *индивидуально-авторской картины (модели) мира*. Традиционно в литературоведении такая модель мира включает в себя художественное пространство, художественное время, сюжет (стереотипные сюжетные линии, являющиеся атрибутом отнесенности текста к определенному жанру). Преимущественно такие, литературоведческие понятия, а также универсальные приемы анализа (сравнение, сопоставление, выявление главной информации и т. п.) применяются в школьной практике преподавания языка и литературы с целью развития навыков *смыслового чтения*. Методика обучения навыкам смыслового чтения не может рассматриваться как самостоятельная и самодостаточная техника, поскольку она «лишь задает перечень выполняемых действий, например, «сопоставить», «соотнести с собственным опытом», «выдвинуть гипотезу» и т. п., однако применительно к конкретному тексту перечисленные действия будут существенно отличаться от действий, выполняемых в рамках разбора другого текста» [13, с. 24].

В связи с рассмотренными вопросами представляется необходимым сформулировать направления функционального описания текста, выделить важнейшие аспекты такого описания. А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев отмечают, что «метод анализа текста должен учитывать, во-первых, цель, ради которой этот текст создан, а во-вторых, тот факт, что описать содержательную структуру текста – это значит сделать явными неявные отношения между содержанием и формой

текста, образным и понятийным» [19, с. 33]. Таким образом, понимание функций отдельных компонентов текста, то есть экспликация данного содержания, позволяет определить тип соотнесенности языковых средств, описать релевантные признаки и, наконец, осуществить *синтез значений* номинативных единиц, без которого невозможна интерпретация текста, построенная на научных основаниях.

На наш взгляд, методологической основой смыслового чтения может послужить *функциональная теория текста*, учитывающая следующие аспекты организации текста:

а) инвариантность регулятивной функции (воздействие на компоненты индивидуальной картины мира);

б) мотивационную составляющую языковой деятельности (стимул порождения текста – осмысленное автором с позиции идеала противоречие между «данным» и «желаемым», лежащее в основе субъективного восприятия какой-либо ценности);

в) системные качества номинативных единиц (позиционность и обусловленная ею особая соотнесенность значений языковых средств).

Материал и методы исследования. Основными методами, применяемыми в нашей работе к процедуре интерпретации содержательной стороны текстов Иосифа Бродского, выступают функционально-семантическая методика описания текста и позиционная стратификация языковых средств на основании выполняемых ими функций.

Использование термина *сильная позиция текста* в исследованиях, посвященных анализу и интерпретации поэтического языка (работы И.В. Арнольд, Н.С. Болотновой, И.Г. Гальперина, В.А. Лукина, А.С. Ныпадымки, Н.В. Черемисиной и др.), имеет сложившуюся историю. Очевидным является тот факт, что языковые средства в художественном тексте образуют гетерогенную систему, компоненты которой характеризуются отличающимися друг от друга качествами. Так, Ю.М. Лотман обращал внимание на различную степень значимости таких средств в пределах текста: «Одно из основных свойств художественной

реальности обнаружится, если мы поставим перед собой задачу отделить то, что сводит в самую сущность произведения, без чего оно перестает быть самим собой, от признаков, порой очень существенных, но отделимых в такой мере, что при их изменении специфика произведения сохраняется и оно остается собой» [16, с. 388].

В школьном курсе русского языка и литературы обучающимся предлагается к выполнению такое задание, как *комплексный анализ художественного текста*, сущность которого можно свести к указанию ряда формальных и содержательных признаков текста: жанр, история создания, тема, ключевые слова, идея, изобразительно-выразительные средства (эпитет, сравнение, метафора, метонимия, параллелизм и т. д.), композиция, размер стиха (для поэтических текстов). При этом предполагается, что определение идеи текста, т.е. интерпретация его содержания, обеспечивается прежде всего формулированием темы и проблемы, классификацией изобразительно-выразительных средств, описанием композиционной структуры текста, однако каковы критерии выявления ключевых слов и какова методика синтеза функций проанализированных средств для последующего истолкования содержания текста – эти вопросы остаются без должного рассмотрения. Точнее, в значительной степени они снимаются со ссылкой на то обстоятельство, что сформированность навыков смыслового чтения способствует глубоко проникновению в мир авторского замысла.

Вместе с тем интерпретация – процедура в известной степени мировоззренческая, зависящая от многих факторов: «Художественный текст создает вокруг себя поле возможных интерпретаций, порой очень широкое. При этом чем значительнее, глубже произведение, чем дольше живет оно в памяти человечества, тем дальше расходятся крайние точки возможных (и исторически реализуемых читателем и критикой) интерпретаций» [16, с. 527]. Из приведенной цитаты становится понятно, что «поле возможных интерпретаций» – естественный текстовый «эффект» [9, с. 7] как проявление одного из его функциональных качеств. Из сказанного не следует утверждение о том, что содержание текста непознаваемо в виду возможности множественных истолкований одного и того же текста:

функционализм ориентируется на идею о предназначенности всего, что создано человеком, выполнять свою функцию. Все возможные интерпретации текста можно стратифицировать, наметить зоны, в пределах которых одни истолкования опираются на научные представления о закономерностях организации текста, а другие – исключительно на субъективное восприятие. В этом смысле процедура выделения так называемых *ключевых слов* не может быть беспредпосылочным действием, она подчиняется определенным законам, прежде всего, обусловлена степенью понимания того, что в художественном тексте концептуальная информация формируется благодаря различным когнитивным моделям действительности. Именно поэтому, в целях большей формализации работы с текстом и его составляющими, было предложено понятие сильной позиции текста.

И.В. Арнольд определяет сильные позиции текста как позиции *выдвижения* – реализация способов «формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» [1, с. 99]. Следовательно, в фокусе рассмотрения находятся связи между формальной и семантической стороной текста. Такого рода отношения позволяют утверждать, что сильные позиции текста связаны с «установлением иерархии смыслов, фокусированием внимания на самом важном, усилением эмоциональности и эстетического эффекта, установлением значащих связей между элементами смежными и дистантными, принадлежащими одному и разным уровням, обеспечением связности текста и его запоминаемости» [2, с. 23]. Как представляется, в данном определении утверждается, что анализ сильных позиций текста, на основе установления воспринимающим субъектом определенных связей, позволяет очертить иерархию смыслов, лежащую в основе индивидуально-авторского изображения действительности. Очевидно, что при таком понимании сильной позиции не эксплицируются типологически релевантные признаки (функциональные качества) текста, анализ которых и позволяет построить иерархию смыслов, т.е. не ясным оказывается то, какие именно содержательные признаки и какие именно типологические закономерности нужно принимать во

внимание, чтобы анализ позволил получить такую иерархию. Фактически, сильными позициями текста данный автор считает начало текста, его заглавие, гармонический центр (ключевые слова), эпиграф и конец. На наш взгляд, такое понимание сильных позиций текста отражает лишь часть закономерностей организации текста, что сужает возможности функционального описания.

Позиционный подход применяется к фактам разных уровней языка, например, в фонетике позиция понимается как условия реализации фонем, окружение единицы; лексическая же позиция определяется как «условия проявления лексических значений, контекст» [15, с. 19]; в синтаксисе закрепилось понимание позиция «как компонента структурной схемы предложения» [10, с. 57], т.е. члена предложения. Очевидно, что фонетическая, лексическая, синтаксическая позиции, с одной стороны, и текстовая позиция, с другой, – «относятся к различным аспектам проявления языка» [12, с. 30], вместе с тем выделение общего признака *системное качество*, связанного с функцией языкового средства, может стать исходным моментом в истолковании термина «позиция» применительно к фактам текста.

Поиски оснований для выделения сильных позиций текста приводят исследователей к очерчиванию его композиционных структур: «...понятие «сильная позиция» применяется не только в стиховедении – оно может считаться универсальным инструментом анализа любого произведения как целостного высказывания, как текста, имеющего начало и конец (т. е. как бы заключенного в «раму»)). Здесь, как и в стихе, в фокусе внимания исследователей – границы, только это границы между единствами гораздо большего масштаба, чем стиховой ряд. Это, во-первых, границы самого произведения как текста, отделяющие его от других текстов; во-вторых, границы частей произведения» [23]. Следовательно, значительную роль в выделении позиций текста играет композиционная составляющая, которая имеет своей целью разграничение структур, эксплицирующих содержательные элементы различных когнитивных моделей мира, а именно: *обыденной (утилитарной) и индивидуально-авторской картин мира*.

На технику реализации поэтического языка с целью выражения элементов индивидуально-авторской картины мира обращает внимание Н.С. Болотнова: «Под смысловым развертыванием текста нами понимается динамика представления в нем лингвистически репрезентированного фрагмента концептуальной картины мира автора, отражающаяся в сознании адресата и формирующая его представление о содержательном плане текста» [4, с. 64]. Концептуальная картина мира автора – это когнитивная модель мира, отражающая новое видение предмета изображения, отличающееся от общенародного представления о каком-то фрагменте действительности. Переосмысление автором определенного признака, являющегося существенным для предмета изображения с позиций авторского идеала, позволяет осуществить аксиологическую трансформацию в системе ценностей читателя текста в том случае, если читатель истолковал текст последовательно, понял смысл новой ценности и принял ее как элемент своей индивидуальной картины мира.

Таким образом, в функциональной теории текста позиция понимается как системное качество, конституирующее устройство текста с учетом мотивационной составляющей языковой деятельности и обеспечивающее выполнение функций языковыми средствами, обладающими такими системными качествами в результате смыслового развертывания текста, т.е. путем устанавливаемой интерпретатором соотнесенности значений языковых единиц. В частности, именно анализ и последующее разграничение элементов обыденной и индивидуально-авторской картин мира выступает в качестве основания для композиционного членения текста. Синтез как частный метод функционального описания становится необходимым этапом работы с текстом после его анализа и имеет целью установление функциональных связей, обеспечиваемых системой позиций и соотнесенностью значений языковых единиц, занимающих такие позиции.

В функциональной теории текста возможно выделение следующих позиций:

1) позиция предмета изображения, выполняющая образно-конститутивную функцию;

2) позиция атрибуции предмета изображения: характеризуется как слабая позиция, поскольку в содержательном плане соотносится исключительно с компонентами обыденной картины мира (количество иллюстраций относительно произвольно);

3) позиция семантической аномалии («семантической заусеницы», по А.Н. Рудякову), выполняющая функцию первичного средства соотнесённости элементов обыденной и индивидуально-авторской картин мира [12, с. 32–33];

4) доминантная позиция: дальнейшее развитие мысли автора («смысловое развертывание текста», в терминологии Н. С. Болотновой) обеспечивается семантической доминантой – экспликацией компонентов стержневого элемента текста.

Предмет изображения – это осмысленный и выраженный в художественной форме фрагмент действительности, объясняющий содержание мотивационной деятельности автора и раскрывающий динамику трансформации у воспринимающего текст субъекта определенного элемента в его ценностной части картины мира. Иначе говоря, предметом изображения считают то, что находится в фокусе авторского переосмысления. Примечательно, что в школьной программе для описания позиции предмета изображения используют понятия *темы* и *проблемы*. Проблема может формулироваться и в форме вопроса, и в форме распространенного номинативного предложения. Последнее ближе всего к нашему пониманию предмета изображения как сильной позиции текста. При этом выбор одного предмета изображения продиктован общими закономерностями речевого воздействия и относительной устойчивостью сформированной аксиологической системы субъекта: «...отдельный текст не может иметь своей целью воздействие на всю картину мира индивида или коллектива» [19, с. 33].

Результаты исследования и их обсуждение. Обратимся к анализу функций языковых единиц, занимающих определенные позиции в поэтических текстах Иосифа Бродского.

Сначала проиллюстрируем функцию языковых средств, занимающих позицию предмета изображения, на примере стихотворения «Все чуждо в доме новому жильцу...» (1962 г.):

*«Все чуждо в доме новому жильцу.
Поспешный взгляд скользит по всем предметам,
чьи тени так пришельцу не к лицу,
что сами слишком мучаются этим.
Но дом не хочет больше пустовать.
И, как бы за нехваткой той отваги,
замок, не в состояньи узнавать,
один сопротивляется во мраке.
Да, сходства нет меж нынешним и тем,
кто внес сюда шкафы и стол и думал,
что больше не покинет этих стен,
но должен был уйти; ушел и умер.
Ничем уж их нельзя соединить:
чертой лица, характером, надломом.
Но между ними существует нить,
обычно именуемая домом» [7, с. 27].*

Языковые средства в позиции предмета изображения очерчивают круг тех понятий, с помощью которых автор выписывает фрагмент действительности, находящийся в фокусе переосмысления. В стихотворении «Все чуждо новому жильцу...» для описания дома использован прием олицетворения: «[тени предметов] сами слишком мучаются» из-за того, что их наблюдает новый хозяин; «дом не хочет больше пустовать», т.е. стремится к тому, чтобы быть полезным; «...как бы за нехваткой той отваги, / замок, не в состояньи узнавать, / один сопротивляется во мраке», не признавая другого собственника.

При определении предмета изображения используется прием *трансформации образной информации в понятийную*: так, с помощью придаточного предложения «...тени так пришельцу не к лицу, что сами слишком мучаются этим»

выражается одновременно и высшая степень несоответствия предметов новому хозяину дома, и их отнесенность к прежнему хозяину. Таким образом, средством характеристики персонажей в данном тексте выступают номинации предметов. Такие языковые единицы выполняют функцию выражения наиболее значимого признака при характеристике персонажа – ‘живущий, существующий’, например, «...внес сюда шкафы и стол и думал, / что больше не покинет этих стен», т.е. бытие предметов в доме становится проявлением жизни хозяина, некогда жившего в нем. Глагольные формы прошедшего времени «думал», «не покинет», контактно расположенные по отношению к номинациям «шкафы», «стол» в рассматриваемом контексте, соотносятся с языковыми средствами, выражающими семантику бытовых предметов. В результате такой соотнесенности значений формируется ассоциативно-образное представление о бытовых предметах в доме прежнего хозяина как об атрибутах его жизни, в частности, личностных устремлений, планов и т. п. А олицетворение бытовых предметов, в особенности во фразе «дом не хочет больше пустовать» («пустовать» – ‘быть пустым, не занятым’ [22, т. 3, с. 560]), становится средством выражения смысла ‘желающий жить’, поскольку в пределах анализируемого текста понятия проживания в доме и самой жизни отождествляются.

В исходной части стихотворения (первые 14 стихов) утверждается мысль о том, что прежний и новый хозяева дома – совершенно разные люди, что между ними нет ничего общего: «...сходства нет меж нынешним и тем...», «Ничем уж их нельзя соединить: / чертой лица, характером, надломом» («надлом» в 3-м знач., перен. – ‘резкое ослабление душевных сил в результате какого-л. переживания, потрясения и т. п.; надрыв’ [22, т. 2, с. 345]). Однако между персонажами существует некая связь, о чем говорится в основной части текста с помощью существительного «нить» в 5-м знач., перен. – ‘то, что соединяет одно с другим, служит связью между кем-, чем-л.’ [22, т. 2, с. 501]. Более того, использование номинации «дом» в основной части текста (последние 2 стиха) делает значение данной единицы контекстуально обусловленным. Автор утверждает, что то, что

люди обычно называют связью между прежним и новым хозяевами и именуют словом «дом», на самом деле домом не является!

Следовательно, предметом изображения в тексте выступает понятие ‘связь между прежним и новым жителями одного и того же дома’. В исходной части выражен обыденный взгляд на предмет изображения, а именно: не существует никакой связи между и новым жителем одного и того же дома, кроме самого места проживания. Индивидуально-авторское понимание предмета изображения иное: истинная связь, существующая между прежним и новым жильцами одного и того же дома, заключается в том, что для каждого из них обставление своего жилища предметами быта является проявлением их желания жить. Поэтому Бродского больше интересует не пространство (место), а деятельность (оснащение жизни). Слово «дом» в стихотворении Бродского имеет значение ‘результат обустройства своего жилища ради жизни’.

Проиллюстрируем функцию языковых средств, занимающих позицию атрибута предмета изображения, на примере стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...» (1964 г.):

*«В деревне Бог живет не по углам,
как думают насмешники, а всюду.
Он освящает кровлю и посуду
и честно двери делит пополам.
В деревне он в избытке. В чугуне
он варит по субботам чечевицу,
приплясывает сонно на огне,
подмигивает мне, как очевидцу.
Он изгороди ставит, выдает
девицу за лесничего и, в шутку,
устраивает вечный недолет
объездчику, стреляющему в утку.
Возможность же все это наблюдать,
к осеннему прислушиваясь свисту,*

*единственная, в общем, благодать,
доступная в деревне атеисту» [7, с. 106].*

Позиция атрибуции предмета изображения выполняет функцию образной иллюстрации объекта художественного переосмысления и является типичным способом экспликации элементов обыденной (массовой, утилитарной) картины мира. Всякое восприятие субъектом информации базируется на сформированных представлениях, знаниях о действительности, в том числе «понимание содержания произведения происходит с помощью жизненных знаний читателя, которые он по ассоциации вспоминает и прилагает ко всему, что представляет в процессе чтения» [21, с. 14]. Автор, создавая художественную реальность, в рамках которой происходит переосмысление предмета изображения, отталкивается от общепринятого понимания этого предмета. Именно для формирования у читателя точного представления о том, что стало поводом для написания текста, реализуются языковые единицы, выполняющие *подготовительную функцию* в утверждении индивидуально-авторского видения предмета изображения. Количество признаков (вербальных образов), конституирующих данную позицию, может быть несколько: их число зависит от содержательной специфики объекта переосмысления и от выбора самого автора.

Стихотворение Бродского начинается с пантеистического на первый взгляд тезиса лирического героя о том, что Бог живет везде. Эта мысль выражена с помощью отрицательной частицы «не» и противительного союза «а» («...живёт не по углам, а всюду»). В содержательном плане утверждается мысль о том, что Бог не присутствует в деревне посредством религиозных символов, традиционно размещаемых в помещении (расположение икон в красном углу), а в действительности существует везде. Важна глагольная форма, с помощью которой Бродский определяет сущность проявления Святого Духа: Бог именно «живет», т.е. совершает то действие, которым мы обозначаем все многообразие форм человеческой деятельности. Та часть людей, кто в силу неубедительности для них «формальности» религиозных символов, размещаемых в деревенских избах, считают присутствие Бога в жизни ложным посылом, названы «насмешниками»,

т.е. теми, кто зло, язвительно высмеивает, подвергает насмешкам кого-либо, что-либо или делает «оскорбительные замечания» [22, т. 2, с. 397], фактически – не просто подвергает сомнению веру других людей в присутствие Высшей Силы, а издевается над традицией духовного и бытового уклада жизни.

Последующие десять стихов – реализация языковых средств в позиции атрибуции предмета изображения, образная иллюстрация «жизни» Бога. Антропоморфная развёрнутая метафоризация позволяет в ряде образов соотнести деятельность верующих, живущих в деревне, с деятельностью самого Бога: «Он освящает кровлю и посуду», т.е. наделяет бытовые предметы возвышающими, святыми свойствами, «честно двери делит пополам», т.е. даёт всем равные возможности, «Он варит по субботам чечевицу», т.е. готовит разрешённую еду (по представлениям иудеев), «подмигивает мне, как очевидцу», т.е. даёт ощутить сопричастность к жизни (по языческим представлениям), «Он изгороди ставит», т.е. сооружает защитную ограду, «Выдает девицу за лесничего», т.е. способствует продолжению рода, «И в шутку устраивает вечный недолет объездчику, стреляющему в утку», т.е. он способен по-доброму пошутить, обнаружить противоречие в окружающем мире. Примечательно, что все выписанные в тексте образы могут быть объединены общим смыслом ‘разумное, приносящее пользу действие’. Совершенно очевидно, что функцию выражения данного содержательного компонента выполняет глагольная лексика.

Таким образом, первые 12 стихов текста составляют его исходную часть. В ней очерчен предмет изображения – ‘участие Бога в разумной деятельности человека’. Деревня, по мысли Бродского, становится средоточием форм этого участия, местом максимального благоприятствования в познании человеком законов жизни; иными словами, тем микроскопом, под которым виден сущностный промысел Всевышнего (причём – в какого именно Бога верует человек, становится неважным). Тем не менее данная мысль не является идеей стихотворения, т.е. разрешением противоречия между «данным» и «желаемым»: мнение о том, что деревня – особое место, где проявляется божественное начало, – далеко не ново; поэтому данный фрагмент стихотворения выражает элементы обыденной

картины мира. Первые двенадцать стихов текста – его экспозиция, исходная часть.

Основная часть произведения образуется последней строфой. В ней предмет изображения ('участие Бога в разумной деятельности человека') применяется к тем, кто назван в первой части текста «насмешниками» (в заключительной части – «атеистами»). «Возможность же все это наблюдать», т.е. наличие лишь условий, средств восприятия без разумной включённости в активную деятельность, в ход жизни в деревне, является, по мысли героя, единственной «благодатью» («благодать» в 1-м знач., устар. – 'милость, благоволение, дар, исходящий от бога, ниспосланный им', «благодать» в 3-м знач. – 'изобилие природных благ, обеспечивающих благоденствие, доставляющих радость, счастье' [22, т. 1, с. 93]). Таким образом, в результате соотнесённости таких единиц, как «насмешники» – «атеист» (противопоставление 'неосознанное отрицание Бога' / 'сознательное отрицание Бога'), «всюду» – «в избытке» и «единственный» (противопоставление 'многообразие форм божьего промысла' / 'одна форма познания'), а также «освещать» – «делить пополам» – «варить» – «приплясывать» – «подмигивать» – «ставить» – «выдавать» – «устраивать» и «прислушиваться» (противопоставление 'разумная активная деятельность' / 'пассивное восприятие') в значении слова «благодать» возникает новый идейный смысл, противоположный общенародному. Бродский говорит о том, что неверующий человек, оказавшийся в деревне, лишён средств познания жизни, его пребывание здесь бесполезно, лишено разумного начала. В тексте стихотворения «В деревне Бог живет не по углам...» слово «благодать» имеет значение 'бесполезность'. Не веря в сам смысл уклада деревенской жизни, человек лишает себя того многообразия Божьего промысла, которым наделена деятельность верующего в деревне. А возможность пассивно воспринимать события, смысл которых недостижим для неверующего человека, есть самая вопиющая насмешка человека над самим собой.

Обратимся к рассмотрению доминантной позиции художественного текста на материале стихотворения «Ты не скажешь комару...» (1991 г.)

«Ты не скажешь комару

*«Скоро я, как ты, умру».
С точки зренья комара,
человек не умира.
Вот откуда речь и прыть –
от уменья жизни скрыть
свой конец от тех, кто в ней
насекомого сильней,
в скучный звук, в жужжанье, суть
какового – просто жуть,
а не жажда юшки из
мышц без опухоли и с,
либо – глубже, в рудный пласт,
что к молчанию горазд:
всяк, кто сверху языком
внятно мелет – насеком» [6, с. 90].*

Восприятие смыслов, относящихся к различным моделям мира, их сопоставление создает «взаимное напряжение» [16, с. 523], которое приближает читателя к пониманию замысла автора. Композиционное членение текста имеет существенное значение для последующего синтеза функций языковых единиц, поскольку «определение исходной и основной частей текста на основании выявления элементов обыденной и индивидуально-авторской картин мира позволяет перейти к интерпретации содержания текста» [12, с. 28]. Для достижения такого рода цели в функциональной теории текста используется понятие «стержневой элемент текста», представляющий собой семантически соотносительные в пределах структур исходной и основной частей текста языковые единицы, выражающие динамику утверждения авторского взгляда на предмет изображения с позиции его отношения к идеалу. Именно в языковых средствах, конституирующих стержневой элемент, происходит семантический сдвиг (приращение семантики отдельной языковой единицы), который обеспечивается сопряжением позиционных функций текста.

Предлагаемое для чтения стихотворение Бродского – яркий пример того, как нестандартные ассоциативные связи и окказиональные языковые средства позволяют транслировать читателю оригинальную идею.

Позиция предмета изображения в данном тексте представлена языковыми средствами, с помощью которых осуществляется фантастическое сравнение представлений насекомого и человека друг о друге. 1-я группа единиц, сгруппированных по признаку ‘характеристика человека или представления человека о чем-либо’, состоит из таких средств: «насекомого сильней», «жажда юшки из мышц без опухоли или с», «сверху», «языком внятно мелет», «насеком»; 2-я группа единиц, объединенных на основании признака ‘характеристика насекомого или представления насекомого о чем-либо’, вербализована следующим образом: «речь и прыть», «уменье жизни скрыть свой конец», «скучный звук», «жужжанье», «жуть», «рудный пласт», «молчанье». Обращает на себя внимание оценочность многих номинаций, реализующая отношение автора к элементам предмета изображения (вербальным образам человека и насекомого).

Сопоставляя человеческое существование и существование насекомого, Бродский наделяет комара сознанием, «речью и прытью», однако в описываемой модели действительности насекомое проявляет себя не из-за желания навредить человеку («жажда юшки из мышц без опухоли или с» – элемент обыденной картины мира), но из-за жути, испытываемой в силу приближения к стремительно наступающей смерти. Большой толковый словарь русского языка под ред. С.А. Кузнецова дает следующее толкование слову «жуть» – разг. ‘тревожное чувство страха, ужаса’ [5, с. 308]. Таким образом, автор выписывает экзистенциальный образ насекомого, способного испытывать страх и ужас перед собственной смертью.

Регулятивную функцию выполняет окказионализм «насеком», входящий в состав стержневого элемента: именно понимание значения этого авторского слова дает возможность истолкования текста. Соотнесенность номинативных средств в 1-ой группе единиц («человек не умира»: живет долго; «насекомого сильней»: считает других существ уязвимыми и ничтожными; «жажда юшки из

мышц без опухоли или с»: ложное, наивное, с точки зрения автора, представление о чем-либо; «сверху»: признание собственного превосходства над другими, «внятно мелет языком»: средство выражения отрицательной оценки; «насеком»: окказионализм) актуализирует сему 'признающий на основе собственного превосходства свое понимание и ощущение действительности как единственно возможное'. Такого рода соотнесенность позволяет семантизировать окказионализм «насеком». Следовательно, данная единица имеет такое значение: (ирон., пренебр.) 'о том, кто в основу понимания, ощущения действительности кладет факт собственного превосходства'.

Выводы. 1. Функциональная теория текста – активно развивающаяся отрасль русистики, предметом исследования которой выступают следующие аспекты организации текста: а) инвариантность регулятивной функции (воздействие на компоненты индивидуальной картины мира); б) мотивационная составляющая структуры языковой деятельности (стимул порождения текста – осмысленное автором с позиции идеала противоречие между «данным» и «желаемым», лежащее в основе субъективного восприятия какой-либо ценности); в) системные качества номинативных единиц (позиционность и обусловленная ею особая соотнесенность языковых средств).

2. Позиционное видение устройства художественного текста призвано, с одной стороны, раскрыть сущность функций компонентов текста, в частности, увидеть в его структуре воплощение авторских интенций, с другой стороны, предложить систему методических приемов, позволяющих в большей степени формализовать, сделать более явными этапы и содержание исследовательских действий интерпретатора (обучающегося).

3. Современная методика преподавания русского языка и литературы не может быть неразвивающейся прикладной отраслью знания, и потому значимость внедрения апробированных приемов описания текста в структуру школьной методики обучения русскому языку трудно переоценить. Равно как и трудно переоценить тот эффект от обучения, который позволит школьникам действительно понимать смыслы, заложенные в произведениях классической литературы.

Список литературы**Список литературы**

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации текста [Текст] / И.В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1978. – №4. – С. 23–31.
2. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов [Текст] / И.В. Арнольд. – М.: Флинта, 2010. – 384 с.
3. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: учебник; практикум [Текст] / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта, Наука, 2005. – 496 с.
4. Болотнова Н.С. Проблемы речеведения: определение основных понятий и категорий коммуникативной стилистики [Текст] / Н.С. Болотнова // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (спецвыпуск). – 2000. – Вып. 3 (19). – С. 60–66.
5. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
6. Бродский И. Пейзаж с наводнением [Текст] / И. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – 240 с.
7. Бродский И. Три первые книги стихов [Текст] / И. Бродский. – СПб.: Лениздат, Книжная лаборатория, 2020. – 416 с.
8. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие [Текст] / Н.С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 173 с.
9. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка [Текст] / В.Г. Гак // Проблемы функциональной грамматики: сб. науч. работ. – М., 1985. – С. 5–16.
10. Данильченко Н.И. Синтаксическая позиция: к истокам понятия [Текст] / Н.И. Данильченко // Наука і освіта. – 2014. – №3. – С. 55–59.
11. Дорофеев Ю.В. Функциональный анализ художественного текста [Текст] / Ю.В. Дорофеев. – Симферополь: РИО ТЭИ, 2004. – 150 с.

12. Забашта Р.В. «Ускорение сознания»: основы функционально-семантического описания поэтического текста: учебно-методическое пособие [Текст] / Р.В. Забашта. – Симферополь: КРИППО, RICON, 2019. – 116 с.

13. Забашта Р.В. Смысловое чтение и функциональное описание поэтического текста [Текст] / Р.В. Забашта // Крымский гуманитарный вестник: сборник научных статей / отв. ред. А.Н. Рудяков; ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования». – Симферополь: ИП Минакир И.Л., 2020. – С. 23–27.

14. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

15. Касаткин Л.Л. Современный русский язык: слов.-справ: пособие для учителя [Текст] / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант; под ред. П.А. Леканта. – М.: Просвещение, 2004. – 304 с.

16. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 704 с.

17. Лукин В.А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа [Текст] / В.А. Лукин. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.

18. Ничик Н.Н. Поэтическое слово. Поэтический текст [Текст] / Н.Н. Ничик. – Симферополь: ОАО СГТ, 2008. – 292 с.

19. Рудяков А.Н. Homo textus: человек в паутине текстов, или Учебник чтения для умеющих читать [Текст] / А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев. – Симферополь: НАТА, 2007. – 176 с.

20. Рудяков Н.А. Основы анализа художественного текста [Текст] / Н.А. Рудяков. – К.: Наукова думка, 1989. – 152 с.

21. Силин В.В. Чтение – понимание – интерпретация: учебно-методическое пособие [Текст] / В.В. Силин. – Симферополь, 2010. – 22 с.

22. Словарь русского языка: в 4-х т. – 3-е изд. [Текст] / глав. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Русский язык, 1981.

23. Чернец Л.В. Композиция литературного текста [Электронный ресурс] / Л.В. Чернец // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной

конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://old.kpfu.ru/science/news/lingv_97/n159.htm (дата обращения: 09.10.2020).

Забашта Роман Валентинович – канд. филол. наук, доцент ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым.
